

СУДЬБА ЕВРЕЕВ — ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛАТВИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Основными достижениями демократического Латвийского государства явились национально-культурная автономия для национальных меньшинств Латвии и все-народно избираемое представительство, в составе которого свое политическое представительство в выборных высших законодательных органах — Учредительном собрании¹ и Сейме² всех четырех созывов получили и евреи. В Учредительное собрание было избрано восемь депутатов еврейской национальности (вследствие смены депутатов в нем работали десять депутатов-евреев)³. В Сейм 1-го созыва были избраны шесть евреев, 2-го и 3-го — по пять в каждый, а в Сейм 4-го созыва — три депутата-еврея.

В городах интересы еврейских избирателей представляли избранные ими члены городских дум. Так, в 1931 г. на выборах в городские думы из 1427 избранных депутатов 206 были евреи, что составляло 14 % от общего числа членов городских дум и вывело их на второе место после латышей⁴.

Наличие представительства национальных меньшинств, в том числе и евреев, разумеется, не означало, что в отношениях между различными национальностями в демократической Латвии не существовало проблем. Латыши, евреи и представители других проживавших в Латвии национальностей только начали учиться тому, как следует жить в демократическом государстве. Еврейские парламентарии неоднократно вполне обоснованно заявляли о своем слишком немногочисленном представительстве среди чиновничества и на проявления антисемитизма. Однако это были проблемы, которые можно было решить общими силами. Латвия, хотя и медленно, преодолевая препятствия, постепенно становилась государством народа Латвии. Несмотря на то, что воззрения еврейского электората и его представителей в государственных и муниципальных выборных органах были различными, часто даже противоположными, охватывавшими весь политический спектр — от социал-демократического *Бунда до клерикально-консервативной партии *«Агудат-Израэль», всех политических представителей латвийского еврейства объединяла лояльность к независимому Латвийскому государству.

Переворот 15 мая 1934 г. отнял право на политическое представительство у всего народа Латвии. Установление диктатуры и проводимая ею политика вызвали недовольство большей части евреев и демократические настроенных кругов латышей, особенно левого толка. Однако недовольство изменением политического режима не означало нелояльность по отношению к Латвийскому государству. К сожалению, переворот Карла Ульманиса⁵ и в его глазах, возможно, даже положительные перемены в политической жизни государства принесли негативные и далеко идущие последствия для развития всего народа Латвии. Накануне международного морально-политического кризиса народ Латвии утратил право самостоятельно решать свою судьбу. То, что установление диктатур было общей чертой Восточной Европы того времени, почти что делом политической моды, и то, что диктатура К. Ульманиса не

Маркус (Мордехай) Нурок

была ни кровавой, ни явно выражено антисемитской (открытый антисемитизм был запрещен, и антисемиты действовали в подполье), было слабым утешением.

Советские репрессии 1940—1941 гг. затронули как латышских, так и еврейских политических деятелей государственного уровня — бывших депутатов Учредительного собрания и Сейма — вне зависимости от их политической принадлежности, поскольку занятие такого рода постов в независимой демократической Латвии считалось преступлением. Народу Латвии пришлось столкнуться с социально и политически мотивированным геноцидом, жертвами которого в первую очередь стали народные представители — его политическое руководство. Из 15 евреев, бывших депутатами Учредительного собрания и Сейма в разное время до

1934 г., включая умерших и эмигрировавших из Латвии из-за диктатуры К. Ульманиса, были репрессированы, т.е. арестованы или депортированы, а впоследствии заключены в тюрьму, шесть человек.

Депутат Сейма всех четырех созывов от еврейского национального блока, а впоследствии руководитель *сионистской партии *«Мизрахи» Мордехай Нурок⁶ был арестован 13 февраля 1941 г.⁷ Документы на арест М. Нурока были составлены начальником 2-го отделения 1-го отдела Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Латвийской ССР лейтенантом госбезопасности Беловым уже 7 февраля 1941 г. В тот же день постановление на арест и применение меры пресечения утвердил народный комиссар внутренних дел Латвийской ССР Семен Шустин. Необходимость ареста бывшего депутата латвийского Сейма была обоснована тем, что он «разгласил государственную тайну, совершив таким образом преступление против государства»⁸, — как по-настоящему честный гражданин Латвийской Республики и истинный патриот своего государства М. Нурок отказался от сделанного ему предложения стать информатором ЧК, о чем он открыто заявил⁹. Далее в тексте постановления значилось, что «Нурок является лидером латвийских сионистов и все время был лидером еврейских сионистских реакционных буржуазно-националистических организаций и блоков. Во время правительства Ульманиса он руководил еврейской сионистской буржуазно-националистической организацией *«Керен-Гаесод», или, как его называли сионисты, «министерством финансов евреев мира, которые стремятся в Палестину». Эта организация в принудительном порядке собирала средства, облагая (налогами. — А. Ж.) евреев, в том числе и трудящихся, контролировала деятельность всех контрреволюционных сионистских организаций. Кроме того, Нурок руководил Комитетом эмиграции и Комитетом помощи Иерусалимскому университету. Он являлся ведущим деятелем сионистских организаций *«Мизрахи» и *«Герцлия», участником многих международных съездов сионистов, все эти годы поддерживал связь с международными центрами сионизма в Лондоне и Палестине»¹⁰.

Попав в ужасающие условия заключения, М. Нурок не позволил следователям ЧК сломить его человеческое достоинство и категорически отрицал любую свою вину. 8 апреля 1941 г. во время допроса в связи с выдвижением обвинения М. Нурок, признавая общеизвестные факты, что он являлся руководителем сионистской организации «Керен-Гаесод» и участвовал в работе международных сионистских организаций, в то же время отказался оговорить себя и заявил, что не участвовал ни

к какой борьбе против Советского Союза. Чтобы опровергнуть выдвинутые против себя обвинения, М. Нурок перечислил цели организации «Керен-Гассод»:

- 1) устроить евреев в качестве земледельцев и рабочих в Палестине,
- 2) организовать школы с древнееврейским (*иврит) языком обучения,
- 3) организация больниц и других лечебных учреждений¹¹.

В тот же день следователь по делу М. Нурока сержант государственной безопасности Лихачев был вынужден подготовить постановление о продлении сроков следствия¹². Однако и последующие допросы не принесли желаемого для следователя результата. На допросе 29 апреля М. Нурок заявил, что никаких принудительных мероприятий для сбора средств организация «Керен-Гассод» не проводила, а деньги просила лишь у состоятельных евреев¹³. 7 мая в ходе допроса о деятельности «Мизрахи» М. Нурок категорически отрицал, что она боролась против коммунистического движения¹⁴.

4 мая 1941 г. следователю в очередной раз пришлось просить продления срока следствия. Для «доказательства» преступной деятельности Нурока 8 мая были вызваны и допрошены свидетели Пауль Минц, о трагической судьбе которого будет рассказано далее, и врач рижской 4-й городской больницы Герман Гириш Вассерман. Следователя снова ожидало глубокое разочарование. Свидетели, хорошо знавшие М. Нурока, оказались честными людьми. П. Минц на многократно задававшиеся в различных вариациях вопросы о борьбе обвиняемого против коммунистического движения и Советского Союза отвечал, что ему ничего об этом не известно, указав, что М. Нурок, будучи депутатом Сейма, примкнул к левому крылу латвийского парламента¹⁵. Сходные ответы на аналогичные вопросы давал и Г. Г. Вассерман, которому хватило мужества скорректировать заданный следователем вопрос: «Являются ли сионисты националистической организацией?» Г. Г. Вассерман в ответе следователю отметил, что речь в данном случае идет не о националистической, а о национальной организации¹⁶.

Поиск улик против М. Нурока осуществлялся и в архиве Политического управления¹⁷ Латвии. Найденные там сведения оказались более «пригодными» для обвинения М. Нурока, однако в то же время они свидетельствовали о нем как о честном и терпимом гражданине Латвийской Республики. В августе 1936 г. во время *Всемирного еврейского конгресса М. Нурок выступил против, по его мнению, слишком острого выступления польского депутата Лещинского против диктатуры К. Ульманиса и царящего в Латвии антисемитизма, а также информировал латвийскую делегацию в Лиге Наций о ходе работы конгресса. Эта справка свидетельствовала также о том, что М. Нурока не следует считать лизоблюдом режима К. Ульманиса, поскольку в том же году, после того как государственные учреждения Латвии обвинили его в нарушении закона о вывозе валюты (речь шла о пересылке собранных сионистскими организациями еврейских денег в Палестину), М. Нурок, осознавая законность и правильность своих действий, обратился к руководителю *Американского еврейского конгресса Стивену Вайзу¹⁸, который написал письмо послу Латвии в США Альфреду Билманису и добился закрытия необоснованно возбужденного против М. Нурока дела¹⁹.

На допросе о своем участии в работе Всемирного еврейского конгресса М. Нурок указал на принятые этой международной организацией в 1935 и 1937 гг. резкие резолюции, направленные против нацистского режима в Германии и организованного им преследования евреев²⁰. Однако следователя это особенно не интересовало, так как нацистская Германия все еще была другом и союзником СССР. Большой интерес следователя вызвали те показания М. Нурока, в которых

он рассказывал о переговорах Всемирного еврейского конгресса с дипломатами Советского Союза при Лиге Наций, в ходе которых они пытались добиться, чтобы СССР разрешил употребление древнееврейского языка и дал возможность евреям, которые того желали, выехать в Палестину. Сам М. Нурок перевел на русский язык соответствующий меморандум, который и был вручен послу СССР в Вене²¹.

С началом войны М. Нурока этапировали в Соль-Илецкую тюрьму в Чкаловской (ныне Оренбургская) области. Несмотря на то, что «доказательства» вины выдающегося латвийского парламентария и деятеля международных еврейских организаций собрать не удалось, 23 августа 1941 г. все же было составлено обвинительное заключение, в основе которого лежала уже упоминавшаяся справка, составленная по материалам архива Политического управления Латвии. Вопреки любой логике в качестве подтверждающих вину М. Нурока были признаны и показания П. Минца и Г. Г. Вассермана. «Шедевром» советского политического лексикона можно считать обозначение организации «Мизрахи» как «религиозно-сионистского флюгера»²². «Обвинение» против М. Нурока было квалифицировано по статье 58, пункты 4 и 11 Уголовного кодекса РСФСР — «оказание помощи международной буржуазии в ее борьбе против революционного движения» и «организация контрреволюционной деятельности». После подобных обвинений ему реально грозила высшая мера наказания — расстрел, в особенности потому, что уголовное дело было отправлено на рассмотрение в судебную коллегия по уголовным делам Чкаловского областного суда. В то время этот суд, как правило, приговаривал «контрреволюционеров» из Латвии к смертной казни. Рассмотрение дела началось 15 сентября 1941 г. Однако произошло невероятное — рассмотрение дела было отложено²³. 8 октября 1941 г. председатель Верховного суда СССР И. Голяков принял решение: «В деле подтверждается, что Нурок является лидером международных сионистских организаций. <...> Не собраны конкретные доказательства его деятельности против СССР. В настоящее время дело Нурока имеет особый характер. Нурок утверждает, что в 1936 г. на международном Еврейском конгрессе выступал против нацизма. Нурок имеет связи с определенными кругами в США, с руководителем Еврейского конгресса Америки Стефаном (правильно: Стивенем. — *Ред.*) Вайзом, который в свое время защитил Нурока перед правительством Ульманиса. После состоявшегося в Москве всееврейского антифашистского митинга и выступления президента США господина Рузвельта на пресс-конференции в Нью-Йорке особый характер дела становится более очевидным и рассмотрение дела в таких условиях осложняется. Дело Нурока прошу выслать для согласования Народному комиссару внутренних дел СССР Берии»²⁴. 8 апреля 1942 г. сержант госбезопасности Фоминых написал постановление о прекращении дела М. Нурока и его освобождении из заключения. 9 апреля М. Нурок был освобожден из тюрьмы.

Жизнь М. Нуроку спасли его твердая позиция, выдержка, мужество и влияние международного общественного мнения. Видного деятеля всемирных и латвийских еврейских организаций спасли его неустанная деятельность в области защиты прав евреев и завоеванный авторитет. Именно поэтому М. Нурок не стал одним из безымянных пленников и жертв сталинской человеконенавистнической машины.

В понимании советских карающих органов тяжелые преступления совершил член Народного совета и депутат Учредительного собрания и Сейма всех четырех созывов, руководитель партии «Агудат-Израэль» М о р д е х а й Д у б и н²⁵, так

как он «позволил себе» руководить еврейской общиной²⁶. Депутат Учредительного собрания от Латвийской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП), а позднее депутат Рижской думы И с а а к Б е р з²⁷ (он же Берсс) был обвинен в участии в ЛСДРП и Бунде в 1919—1934 гг. — от этих организаций он был избран в Учредительное собрание, где активно боролся против коммунистической партии и революционного движения²⁸. Вершиной абсурда было обвинение И. Берза в троцкистской деятельности его сына, который якобы поддерживал связь с неким троцкистом Шефтлином из Швеции²⁹. За эти «преступления» Особое совещание при НКВД СССР постановлением от 12 сентября 1942 г. осудило И. Берза на восемь лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), и он был отправлен в Краслаг³⁰. Уже после окончания войны, когда И. Берз просил пересмотреть его дело, в своем заявлении он описал, с помощью каких методов в Канской тюрьме (в Красноярском крае) следователь Розенталь заставил его подписать протоколы дознания. Применялись как угрозы, так и уговоры³¹. На протяжении всей войны И. Берз находился в заключении. 24 апреля 1943 г. Особое совещание при НКВД СССР отказало в пересмотре его дела³². 15 августа 1946 г. Министерство государственной безопасности Латвийской ССР отклонило просьбу жены И. Берза Дины об освобождении мужа³³. После освобождения из лагеря 4 января 1949 г. И. Берз как «опасный государственный преступник» вплоть до 14 ноября 1955 г. находился на поселении в Канске.

Мордехай Дубин

Намного более трагичной была судьба депутата Учредительного собрания от Еврейской национально-демократической партии, бывшего государственного контролера, правоведа и сенатора³⁴ П а у л я М и н ц а³⁵. Его арест 14 июня 1941 г. был обоснован тем, что П. Минц являлся видным деятелем сионистской партии, работал в еврейском просветительном обществе³⁶ (был его председателем), в 1931 г. баллотировался на выборах в Сейм от Еврейской национально-демократической партии и прогрессивного объединения³⁷. О том, насколько «тщательно», даже с точки зрения сталинского судопроизводства, проводилось следствие, свидетельствует составленное 15 октября 1941 г. обвинительное заключение, в котором П. Минц обвиняется в том, что «будучи в Сейме, всегда поддерживал фашистский Крестьянский союз³⁸»³⁹. Следует отметить, что П. Минц не был избран ни в один из составов Сейма. Самым страшным обвинением выдающемуся латвийскому правоведа, разумеется, было его участие в разработке латвийского Уголовного закона⁴⁰. Дело П. Минца также предполагалось передать на рассмотрение Особого совещания, однако заключенный в Краслаг П. Минц этого не дождался — 28 декабря 1941 г. в 14 часов он умер от паралича сердца⁴¹.

Пауль Минц

Ной Майзель

Он умер по пути к месту заключения 18 июня 1941 г.⁴⁹

Намного сложнее проследить судьбы евреев, избранных в городские думы. Еще с советских времен мы унаследовали пренебрежение к истории своего народа. Если судьбы политиков государственного уровня более или менее известны, то информацию о депутатах самоуправлений еще предстоит уточнить, поскольку состав городских дум всех созывов в свое время не был полностью опубликован в официальном издании “*Valdības Vēstnesis*” («Правительственный вестник»).

Репрессии советского режима больно ударили и по евреям — депутатам и кандидатам в депутаты городских дум. После массовой депортации 14 июня 1941 г. в заключении в Усольяге оказался депутат Рижской думы от Бунда И з р а и л ь Б р а у н⁵⁰. Арест И. Брауна был мотивирован тем, что он, «будучи активным членом Бунда, членом Рижского комитета Бунда в 1938—1939 гг., враждебно высказывался в отношении большевиков. В 1927 г. выступал на митинге против СССР»⁵¹. В качестве людей, подтверждавших эти «материалы», названы клички двух информаторов ЧК — «Григорий», чье донесение датировано 27 августа 1940 г., и «Петерис» — 9 августа 1940 г.⁵², что подтверждает тот факт, что отслеживание и сбор компрометирующей информации против евреев-социал-демократов, нежелательных для советского оккупационного режима, начались сразу же после установления советской власти. «Расследование» дела И. Брауна следователь следственной группы НКВД Латвийской ССР Грундманис завершил за один день. 30 января 1942 г. он допросил И. Брауна и в тот же день предъявил ему обвинение по уже упомянутой статье 58, пункту 4 Уголовного кодекса РСФСР⁵³. 15 апреля 1942 г. за принадлежность к Бунду И. Браун постановлением Особого совещания был осужден на десять лет заключения в ИТЛ⁵⁴.

Кандидаты в депутаты Рижской думы по списку «Мизрахи» М а р к у с Б л ю м е н т а л ь (1866—1941) и Ю д е л ь Б л ю м е н т а л ь (1868—1941) от списка объединенных еврейских торговцев и промышленников погибли по пути к месту заключения уже в августе 1941 г.⁵⁵ В заключении оказались депутат Вентспилсской думы Г и р ш С в е р д л о в⁵⁶ и депутат Лудзенской думы Б о р и с (Бер) Г у р е в и ч⁵⁷.

Кандидат в Рижскую думу на выборах 1931 г. по списку *«Цейрей-Цион» Ш л о м а Г и р ш Г а р ф и н к е л ь (1896—?) был арестован 14 июня 1941 г. как

Депутат первых трех созывов Сейма от Бунда Н о й (Н о а х) М а й з е л ь⁴² был арестован за то, что он, будучи «членом ЦК Бунда и депутатом Сейма, занимался пропагандой защиты интересов еврейских мелких лавочников и торговцев»⁴³. Политическая деятельность руководителя Бунда была квалифицирована по статье 58, пункт 4 Уголовного кодекса РСФСР — «оказание помощи международной буржуазии»⁴⁴. Обвинение требовало для него высшей меры наказания⁴⁵, однако Особое совещание 14 марта 1943 г. приговорило Н. Майзеля к десяти годам заключения в ИТЛ Усольяга⁴⁶. Просьба Н. Майзеля от 14 октября 1943 г. о пересмотре дела была оставлена без внимания⁴⁷.

14 июня 1941 г. из Риги был депортирован депутат Учредительного собрания от ЛСДРП, позднее депутат Рижской думы И с а а к Р а б и н о в и ч⁴⁸.

«товарищ председателя еврейской сионистской фашистской организации *«Керен-Каемерт», активный участник сионистской организации *«Олим» и член партии *сионистов-социалистов»⁵⁸. Его дело также было расследовано в течение одного дня 15 декабря 1941 г., а «преступление» было квалифицировано по той же статье 58, пункт 4 Уголовного кодекса РСФСР⁵⁹. За участие в выборах в качестве кандидата в депутаты Сейма от партии «Цеирей-Цион»⁶⁰ Особое совещание 14 марта 1942 г. приговорило Ш. Г. Гарфинкеля к пяти годам ссылки в Коми АССР⁶¹.

Еще один член партии «Цеирей-Цион», кандидат в депутаты Рижской думы А б р а м Р и б о в с к и й⁶² был обвинен в «распространении национально-шовинистических идей о строительстве еврейского государства в Палестине»⁶³ и решением Особого совещания от 8 апреля 1942 г. был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ в Усольяге⁶⁴. 30 июля 1954 г. его осуждение все еще признавалось обоснованным⁶⁵.

Советский режим подверг репрессиям государственных деятелей еврейской национальности за их лояльность по отношению к независимой Латвии и участие в работе еврейских организаций; в свою очередь, политика уничтожения евреев в Латвии в годы оккупации нацистской Германией носила тотальный характер. Несмотря на то, что одной из основных линий нацистского антисемитизма было обвинение евреев в уничтожении независимости Латвийского государства, это не означало, что уничтожению не были подвергнуты еврейские деятели государственного и муниципального уровня, в чьей преданности Латвийскому государству не было никаких сомнений. Нацисты в своем роде продолжали советскую политику, в основе которой лежало уничтожение идеи независимого Латвийского государства и народа Латвии.

Ярче всего это проявилось в отношении нацистов к государственным и муниципальным деятелям Латвийской Республики — евреям. Добровольно выполнявший роль нацистского пропагандиста перконкрустовец⁶⁶ Адольф Шилде⁶⁷ мог открыто клеймить свое государство и народных избранников: «Благоприятный для жидов курс с первых дней Латвийской Республики объясняется тем, что не только в Сейме, но и во многих составах Кабинета министров заседали жида, полужидки и масоны. То же самое было в Рижской городской думе и городской управе. При этом исключением не были и провинциальные города. После 13 (так в тексте, читай: 15. — А. Ж.) мая 1934 г. Дубин хотя и не заседал непосредственно в Кабинете министров, но был частым гостем в Министерстве внутренних дел и по необходимости в других местах»⁶⁸. То, чем Латвийское государство могло гордиться, было объявлено трусостью, а чернение и предательство своего народа — порядочными и патристическими поступками. Ставший настоящим нацистом перконкрустовец по сути приветствовал террор советского режима против государственного деятеля независимой Латвии Мордехая Дубина.

Социально-политический террор советского режима против народа Латвии сменил тотальный геноцид (*Холокост) нацистов. Для обоих режимов было характерно использование нелояльных по отношению к Латвийскому государству и народу Латвии людей из числа местного населения. Советскому режиму они были нужны в качестве информаторов, а нацистам были также необходимы проповедники национальной ненависти и убийцы. Различия имеются в методах уничтожения народа Латвии. Советский режим хотя бы формально проводил «расследование» по делам людей, подвергавшихся репрессиям, заводя «уголовные дела»; нацисты же, в свою очередь, в соответствии со своей идеологией вообще не считали евреев людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. прим. 31 на с. 285.
- ² Сейм (*Saeima*) — парламент Латвийской Республики, действовавший с ноября 1922 по май 1934 г. (были избраны четыре его состава — в 1922, 1925, 1928 и 1931 гг.). Распущен в результате антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 г. (см. прим. 3 на с. 133), возобновил деятельность 6 июля 1993 г. — *Ред.*
- ³ *Latvijas Satversmes sapulces stenogrammu satura rādītājs*. – R., 1925. 23., 48., 55., 59., 60., 67., 98., 110., 115., 128., 129., 162. lpp.
- ⁴ *Šnitke V. Pilsētu domnieku sastāvs // Pašvaldības Balsis*. 1931. Nr. 7. 332.—334. lpp; *Valdības Vēstn.* 1931. 19. okt.
- ⁵ См. прим. 1 на с. 284.
- ⁶ См. прим. 3 на с. 7.
- ⁷ Ордер на арест М. Нурока был выдан 10 февраля 1941 г. (Латвийский Государственный архив (далее — ЛГА)), ф. 1986, оп. 2, д. Р-1645, л. 3.
- ⁸ Там же, л. 1.
- ⁹ Там же, л. 44. В деле имеется постановление о приложении соответствующего заявления, но само заявление в деле отсутствует.
- ¹⁰ Там же, л. 1.
- ¹¹ Там же, л. 18.
- ¹² Там же, л. 19—20.
- ¹³ Там же, л. 22—23.
- ¹⁴ Там же, л. 25.
- ¹⁵ Там же, л. 29—30.
- ¹⁶ Там же, л. 31—32.
- ¹⁷ Политическое управление — так назвалась политическая полиция в Латвии (1920—1924 гг. — Политическая охрана, 1924—1939 гг. — Центральное политическое управление криминальной полиции, 1939—1940 гг. — Политическое управление Департамента безопасности) — репрессивный орган для борьбы с противниками политического режима; наряду со штатными чиновниками имело широкую сеть тайных агентов и осведомителей. — *Ред.*
- ¹⁸ Вайз Стивен Сэмюэл (1874—1949) — раввин и сионистский деятель. Родился в Будапеште. В 1897 г. создал Нью-Йоркскую федерацию сионистских обществ, в 1898 г. — Федерацию американских сионистов; в 1918—1920 гг. был вице-президентом, а в 1936—1938 гг. — президентом Американской сионистской организации; в 1936 г. организовал *Всемирный еврейский конгресс, который возглавлял до самой смерти (умер в Нью-Йорке). — *Ред.*
- ¹⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-1645, л. 76. Эта справка, составленная начальником архивного отдела НКВД Коттом 22 мая 1941 г., помещена в отдельный конверт и была единственным вещественным доказательством «преступной» деятельности М. Нурока.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же, л. 58.
- ²⁴ Там же, л. 63.
- ²⁵ См. прим. 2 на с. 7.
- ²⁶ *No NKVD līdz KGB: Politiskās prāvas Latvijā, 1940—1986: Noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs / R. Viksnes, K. Kangera red.* R., 1999. 180. lpp. К сожалению, уголовное дело М. Дубина отсутствует в бывшем архиве КГБ ЛатвССР. Здесь хранится лишь учетная карточка, в которой указаны только формулировка обвинения и номер уголовного дела — 11081, что свидетельствует о том, что его дело в период советской власти не было пересмотрено и М. Дубин не был реабилитирован.

- ²⁷ Берз Исаак (1886—?) — член Народного совета Латвии (1919—1920), депутат Учредительного собрания (1920—1922), депутат Рижской городской думы (1922—1934), учитель, директор еврейских школ в Риге. Освобожден со спецпоселения 3 мая 1956 г.
- ²⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-5170, л. 25.
- ²⁹ Там же, л. 2, 25.
- ³⁰ Там же, л. 26.
- ³¹ Там же, л. 44—45.
- ³² Там же, л. 27.
- ³³ Там же, л. 42—43.
- ³⁴ Сенат — высшая кассационная судебная инстанция в Латвийской Республике в 1919—1940 гг. — *Ред.*
- ³⁵ См. прим. 19 на с. 285.
- ³⁶ Имеется в виду Еврейское просветительское общество — преемник *ОПЕ.
- ³⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-10145, т. 2, л. 2.
- ³⁸ Латышский крестьянский союз — политическая партия, основанная в апреле 1917 г., опиравшаяся на зажиточных крестьян-дворохозяев и руководимая национально настроенной интеллигенцией (лидеры К. Ульманис, З. Мейеровиц, Х. Целминьши, А. Алберингс, Ю. Друва и др.). В 1918—1934 гг. участвовала в 16 из 18 правительств Латвийской Республики (12 из которых руководила). Упразднена наряду со всеми другими политическими партиями Латвии после государственного переворота 15 мая 1934 г. (см. прим. 3 на с. 133). — *Ред.*
- ³⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-10145, т. 2, л. 14, 15.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, л. 16.
- ⁴² Майзель Ной (1891—1952) — депутат Сейма 1—3-го созывов (1922—1931), врач. Умер на спецпоселении 7 октября 1952 г. в Северном районе Новосибирской области.
- ⁴³ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-6449, л. 1а.
- ⁴⁴ Там же, л. 21.
- ⁴⁵ Там же, л. 27—27а.
- ⁴⁶ Там же, л. 28.
- ⁴⁷ Там же, л. 29, 31.
- ⁴⁸ Рабинович Исаак (1884—1941) — член Народного совета Латвии, депутат Учредительного собрания (1920—1922).
- ⁴⁹ *Represēto saraksts: 1941—1953. R., 1995. 2. [sēj.] 13. lpp. (№ 450 в списке репрессированных жителей города Риги).*
- ⁵⁰ Браун Израиль (1892—?) — депутат Рижской городской думы. Освобожден со спецпоселения 15 декабря 1954 г.
- ⁵¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-1690, л. 3.
- ⁵² Там же. (Тексты донесений в деле отсутствуют.)
- ⁵³ Там же, л. 10, 12.
- ⁵⁴ Там же, л. 18.
- ⁵⁵ *Represēto saraksts. 18. lpp. (№ 862); 55. lpp. (№ 3522).* М. Блюменталь умер 1 августа 1941 г., И. Блюменталь — 28 августа 1941 г.
- ⁵⁶ *Ibid.* 109. lpp. (№ 246 в списке репрессированных жителей города Вентспилса). Гирш Свердлов (1878—?) — освобожден со спецпоселения 8 октября 1957 г.
- ⁵⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-1637.
- ⁵⁸ Там же, д. Р-6738, л. 2.
- ⁵⁹ Там же, л. 8, 9.
- ⁶⁰ Там же, л. 14.

⁶¹ Там же, л. 18.

⁶² Рибовский Абрам (1894—?) освобожден со спецпоселения 15 декабря 1955 г.

⁶³ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. Р-1311, л. 14.

⁶⁴ Там же, л. 21.

⁶⁵ Там же, л. 46, 47.

⁶⁶ «Перконкрустс» (латыш. «Громовой крест») — политическая организация в Латвии. Основана в Риге в 1933 г. (образовалась из основанной в 1922 г. организации «Латышский национальный клуб»), включала главным образом студенческую молодежь (руководитель Г. Целминыш). Программа и атрибутика были заимствованы у итальянских и немецких фашистов. В 1934 г. была запрещена латвийскими властями. В начале нацистской оккупации (июнь 1941 г.) возобновила свою деятельность, и ее члены добровольно участвовали в массовых расправах над советскими активистами и евреями; в августе 1941 г. была запрещена оккупационными властями, а многие ее члены влились в нацистский репрессивный аппарат. — *Ред.*

⁶⁷ См. прим. 7 на с. 291.

⁶⁸ Tēvija. 1941. 28. okt.